

Наиля
Ахунова

миниатюры

Густеет время

169

Редкое явление

*Единственное, что имеет значение,
это сколько света вы излучаете
на жизненном пути.*

Стивен Кинг

Искренние мысли и чувства всегда в особой цене. В любые времена. А уж искренние слова и поступки – вдвойне. Мой отец более всего ценил искренность в отношениях между людьми. Сейчас она такое редкое явление... Поэтому я отдаю дань восхищения тем, кто не стал лицемером, циником, зомби или ханжой. И особенно это ценю в своих друзьях – настоящих

Гуацунт

Этот нежный бело-розовый цветок, забытый всеми, перезимовал у нас на подоконнике, за массивной старой вазой, – после цветения прошлой весной на Восьмое Марта. И вдруг расцвёл снова – на Рождество! Ну не чудо ли?

Нашюрморн

170

На кухонном подоконнике яркие краски лета: оранжевые мандарины и хурма, краснобокие яблоки и помидоры, жёлтые бананы и лимоны. А за окном – белым-бело... Февральская затяжная метель.

Старый друг

У него вздорный характер. Он надрывается от ярости, почти оглушает, когда сердится, – просто закипает. Когда о нём забыли, напоминает о себе сначала громко, а потом всё тише и тише, словно жалуясь на невнимание. Мой старый преданный друг – чайник.

Тихое утро

Выпавший ночью снег прикрыл всю накопившуюся за зиму городскую копоть, чтобы первый весенний день порадовал горожан своей чистотой. Деревья за окном в белых накидках, на балконе снежная перина в мелких птичьих следах и аккуратных дырочках от капели. Совсем недавно прилетали синицы полакомиться семечками. Вот снова мелькнул птичий хвостик и исчез...

Родник Ахуна

Иногда пытаешься напиться из источника, а он заилен, заболочен, как совсем недавно папин любимый родник в его родных Арских краях. И как всё-таки хорошо, что мир не без добрых людей, и родник привели в порядок, благоустроили общими усилиями. И солнце бабьего лета выглянуло из-за осенних туч в день рождения отца... Вот и ключевой водой из Родника Ахуна каждый может утолить жажду. И в его каплях искрится радуга.

Бабочка

Осень подкрадывается незаметно. Солнце всё такое же ослепительное, но в тени уже ощутим холодок. У ветерка зябкие пальцы, от его прикосновений хочется поёжиться и застегнуть верхние пуговицы. Я открываю балкон, он радостно залетает в гости, с любопытством перебирает все бумаги на столе. Мы живём под крышей, и вслед за ветром к нам залетает бабочка. Я осторожно накрываю её полиэтиленовым прозрачным стаканчиком, как сачком, и выпускаю на волю.

Сентябрь

Резко похолодало. Разнеженные летней жарой, мы начинаем зябнуть. Вешая бельё на балконе, уже не высканиваешь налегке, а накидываешь куртку. Ледяной ветер пробирает до костей, пригибает кустики бархатцев, мотает их так, словно пытается выдрать с корнем. Лежит на боку опрокинутый горшок с цветком. Даже форточку открывать не хочется.

Алатырь

Золотая осень в Алатыре. Время густеет, словно мёд, и ты чувствуешь себя мухой в янтаре. Оно утекает сквозь пальцы брызгами фонтана в Свято-Троицком монастыре, обвеивает тебя всеми ветрами на местной колокольне – редкой высоты и красоты. Обдаёт пряным запахом цветов шиповника и сентябрьской листвы, искушает румяными боками алатырских яблок, освежает арбузной мякотью, радует глаз солнечной палитрой бабьего лета. Пронзает острым взглядом монахини, когда, заглядевшись на монастырские розы, забыва-

ешь повязать платочек, согревает улыбками друзей... Утешает, когда со слезами на глазах ты обнимаешь их и машешь им вслед. До новых встреч, Алатырь!

Флоксы

Я обожаю флоксы, они цветут, как правило, в середине июля. Их очень любила моя мама. В нашем саду всегда росли эти душистые кустики: белые, фиолетовые, розовые, лиловые. И у каждого свой запах. Я сушу на зиму небольшие букетики, что не теряют аромата целый год. Их можно класть под подушку, чтобы снились летние сны.

172

Я люблю

...флоксы и хризантемы, ландыши и пионы, гиацинты и альстромерии, старые «молодые» фотографии, чай с чабрецом и смородиновыми листьями, «криминальное» чтиво, латте с корицей, шорох осенних листьев, блики на воде, яркие краски летнего заката, солнечных зайчиков, чтение на ночь, щебет стрижей, звон цикад, шум прибоя, искренние улыбки, запах смолы в сосновом лесу в летний полдень, хайку, хайбуны и дзуйхицу, вечернее солнце, бабочек, старинные усадьбы и парки, напольные часы, котов, корейские сериалы, цветение черёмухи и сирени, конфеты моего детства, верных друзей, блёстки снега в морозный ясный день, новогодние ёлки, хорошие сны и вести... И больше всего – свою семью.

Памяти Намаши и Дерика

Время осыпается осенними листьями и снежинками. И рисует новые морщинки на наших лицах. Но будет вечно юна и хороша Муза художника на его полотнах. И никогда не состарится. Они жили долго и счастливо. И умерли в один день.

Теперь Он рисует её на небесах. А Она читает стихи ангелам. На двух языках, французском и русском. А мы, их друзья, вспоминаем и молимся за них. И посвящаем им стихи и книги.

Глаз Шивы

В последнее время часто вижу цветные сны с ушедшими родителями.

Когда открывается третий глаз, закрываются остальные.

Третий глаз (Глаз Шивы) – это такая способность, которая показывает нам картины в уме. И они не приходят через наше обычное зрение. И вот почему во сне, когда наши глаза закрыты, эти картины возникают. И это связано в том числе с нашей памятью.

Седьмое февраля

Морозная февральская ночь забрала с собой мою маму. Четырнадцать лет назад. Невозвратимость этой потери понимаешь слишком поздно. А зима присыпает старые раны свежей солью...

Могилы неизвестны

Кровит память: читаю книгу «Живая душа в мёртвой петле» Л. Пеликовской о Марине Цветаевой. Мечтаю прочесть в книжном формате двухтомный «Дневник» Мура – Георгия Эфрона, вышедший в 2004 году. Недавно видела его в литературном музее Цветаевой в Елабуге. На всю семью сохранилась лишь одна могила – Ариадны Эфрон в Тарусе. А Марины Цветаевой, Сергея и Георгия Эфронов – неизвестны.

О время, время! «Век-волкодав» – как выразился ещё один великий поэт с трагической судьбой и неизвестной могилой Осип Манделштам.

Осенний сад

*Осенний сад туманно хмурится,
Меж осенью и мной стена...*

Евгения Ланцберг

Вчера промёрзла почти насквозь. День был пасмурный, снег с дождём. К вечеру опавшие листья в Лядском саду покрылись тонкой корочкой льда и туманно мерцали при свете вечерних фонарей. Ветер дул абсолютно безжалостный, ледяной и свирепый. Гуляющих в саду почти не обнаружилось, за исключением семьи из трёх человек: молодого мужчины и двух маленьких детей, которые наворачивали круги вокруг фонтана. Что интересно, все они были на самокатах различного калибра, у самого маленького самокатчика светилось, переливаясь радужно, заднее колесо. Он очень старался, а на вид ему было не больше трёх лет...

Я положила очередную прочитанную книжку в голубой «скворечник» – садовую общественную библиотечку на одной из аллей – и, стараясь укрыть лицо от злого ветра, поспешила в любимую Боратынку. Там меня ждала посылка из Москвы: поэтический сборник Евгении Ланцберг «Письмо отсюда», с автографом. И в мире неуловимо потеплело.

